

Городские корни кризиса (1998 год)

текст

Леонид Коган

Движение в будущее возглавляют города. В авангарде крупнейших из них. На решающей цивилизационной роли урбанизации настаивает в своих научных работах автор, чью статью, опубликованную в журнале «Правила игры», № 4, 1998 г., мы считаем уместным перепечатать в связи с разработкой темы АГЛОМЕРАЦИЯ.

Главный редактор

Мне думается, что сегодняшний кризис, который для большинства наших граждан оказался неожиданным, на самом деле таковым не является. Более того, было бы по меньшей мере странно и нелогично, если бы болезни российской истории время от времени не становились особенно видимыми, очевидными. Но ни сторонники, ни противники реформ, ни власть, ни оппозиция, ни общественное мнение страны в целом за весь период преобразований с 1985 года по-настоящему не смогли, да и не захотели разобраться с диагнозом этих болезней. А отсюда и незнание возможностей проведения реформ в такой стране, как Россия. Практически, по-настоящему не была оценена степень готовности различных частей и слоев общества, отдельных регионов и городов воспринять предлагавшиеся реформы, осознать себя в их контексте, реализовать их.

Важно с самого начала понять, что за общей хаотичностью и множественностью бед, которые становятся видимыми для нас во время очередного кризиса, стоит одно фундаментальное объяснение. Оно заключается в том, что налицо кризис несоответствия между теми задачами, которые мы пытаемся решить, и тем уровнем цивилизационного развития, на котором мы находимся.

Мы уже не раз в своей истории дорого платили за попытки перепрыгнуть через стадии исторического развития, за назначение сроков «счастливого будущего» и каждый раз направляли свои усилия в очередном приоритетном, по нашему мнению, направлении – то в индустриализации, то в колхозном строительстве, то в освоении земель, то в космосе, то в «стройках века», то в финансово-денежной сфере и т. д. Кого-то мы постоянно стремились опередить или догнать, не анализируя тех тормозов, тех очень важных корневых причин, которые мешали и мешают нашему движению. Поэтому не было, да и не могло быть осознано то самое главное, одно-единственное направление, которое только и позволяет двигаться обществу целостно, интегрируя в своем развитии все разнообразие целей, задач и сфер деятельности в едином русле исторического процесса.

Я имею в виду направление цивилизации. Отношение к процессу развития общества как развитию цивилизации позволяет найти то ядро, ту сердцевину, тот самый корень, из которых вырастают как достижения, так и проблемы, трудности, противоречия. К сожалению, наше общество, его верхние, властные эшелоны, их ближайшее интеллектуальное окружение не были готовы к широкому социально-историческому анализу ситуации, в которой оказалась страна. Бремя диагноза, который требовал гуманитарной широты и понимания проблем и одновременно чувства проявления их в конкретике повседневности, для нас оказалось непосильным.

Необходимы были оценки, непривычные для отраслевого, министерского подхода, нужны были другие точки отсчета, другой угол зрения на происходящие процессы, который был бы свободен от лоскутности, фрагментарности. Нужно было опереться на такую систему оценок, которая основывалась бы на категориях, позволяющих увидеть и определить возможности общества в зависимости от его типа культуры, стадии цивилизованности, поведенческих характеристик различных слоев и групп, наконец от той среды, того пространства, в которых общество обитает. Речь идет о степени урбанизированности общества, об освоенности людьми того городского образа жизни, который уже давно, со времен европейского средневековья, присущ развитым странам Запада. Ведь именно от этих условий, как показала история, зависят умение, да и само желание жить нормальной жизнью и нормаль-

но работать, а не просто зарабатывать себе на жизнь. Но как раз вкуса к строгому, научному изучению социально-пространственных условий формирования общества, их аналитическому осмыслению у нас в России всегда и не доставало.

В западно-европейском менталитете относительная ограниченность территории стран, компактность пространства входили неотъемлемой составляющей в само представление об окружающем мире. Каждый раз, предпринимая то или иное действие, требовалось учитывать, как это действие уложится в ограниченное пространство, как на него это пространство отзовется. В России неисчерпаемость, огромность пространств, наоборот, были изначально в сознании закреплены. А поскольку пространство не ограничено, то и особого отношения к себе оно не требует, ценности не представляет и специального внимания к тому, как и что в нем размещать, не нужно, его значение в человеческой жизни, его влияние невелико.

Отсюда и невнимание к пространственному окружению как таковому, неуважительное, а то и пренебрежительное отношение к нему. Следствием этого является непонимание важности взаимодействия социального и пространственного начал, которое и составляет то, что называется средой, непонимание того, что это взаимодействие составляет существенный признак, фундаментальную черту и цивилизации, и урбанизации как ее важнейшей стороны. В этом отношении неудивительно, что неряшливое, произвольное отношение к пространству резко ограничило и наши представления о том, что такое цивилизованность страны, общества, самого народа. Из представлений о цивилизации в этом случае практически выпадает ее пространственная, средовая составляющая.

Исторически такой изъян российского сознания вполне объясним. Ведь мы практически не имели городской истории в европейском смысле слова, мы не знали городского права европейского Средневековья. Наши предки и мы не могли оценить, что значит естественная традиция муниципальности, связей людей с тем местом, где они живут, их локальных, местных политических прав и возможностей автономных, самостоятельных по отношению к верховной власти решений. А без этой «локальной демократии» невозможен и процесс демократизации в целом.

Это, в свою очередь, делает логичным и отсутствие понимания зависимости между эффективностью деятельности и ее пространственными, средовыми характеристиками. Поэтому при анализе успехов и неудач в тех или иных областях жизни общества фактор среды практически не принимался в расчет. Обществу, стране, народу это было практически безразлично, восприятие окружения носило преимущественно внешний характер. Да и в самом гуманитарном знании, в науке этим проблемам не придавалось большого значения. Эта область была слишком сложна для ведомственного подхода, там существовало слишком много взаимозависимостей и взаимосвязанных проблем, которые не так просто, как хотелось бы, поддавались расчленению на отдельные составляющие.

Именно поэтому средовое, пространственное направление развития общества никогда не рассматривалось как приоритетное в сфере исследования, науки. Его обычно относили к области административного планирования, градостроительства, проектирования, применения различного рода нормативов и т. д. Выросли целые поколения специалистов, для которых пространственная среда поселений была лишь проектно-нормативной или эстетической формой выражения достаточно абстрактных представлений о реальных процессах, живой жизни в них. Всякое же дыхание этой жизни, отношение к поселениям как живым социальным сообществам во

всей сложности их социальной динамики перекрывалось различного рода аргументами о разделении сфер ответственности профессий и специалистов, об обязательности четких проектно-технических характеристик, о необходимости расчетно-нормативной базы, о неприменимости гуманитарных выводов для использования в проектно-строительной практике и т. д.

Что же касается непосредственно градостроительной, или архитектурно-градостроительной науки, то ее влияние на общественное развитие никогда не было заметным, а сдвиги в ней были известны лишь узкому кругу специалистов. И это понятно. В данном случае нужно было не просто соединить вроде бы техническую и гуманитарную сферы деятельности, но и перевести это соединение, это новое и непривычное предметное образование в плоскость практической политики. А главное, нужно было осознать и признать его практическую полезность. Но это признание, в свою очередь, требовало разрыва с одной очень стойкой российской традицией.

Дело в том, что у нас всегда недоставало вкуса к конкретному аналитическому мышлению, нам всегда труден был «лифт», соединяющий высокие теоретико-методологические и прикладные уровни знания. Ведь для того чтобы подниматься от конкретного анализа фактов к обобщенным категориям и понятиям, описывающим в сжатом виде закономерности или тенденции развития, а потом снова опускаться вниз, нужно представлять себе и знать конкретно те механизмы, с помощью которых происходит развитие социальных процессов, нужно считаться с социальной реальностью, попросту доверять объективности ее существования. А это означает, что необходимо доверие к социальному знанию как таковому, внимание к его результатам и выводам.

Но российское гуманитарное знание постоянно испытывало достаточно сильное недоверие со стороны властей и вызывало чувство иронии, а то и презрения у широкой публики. Пожалуй, единственной областью гуманитарной специализации, признававшей более или менее полезной «для дела», была экономика, поскольку она могла вроде бы непосредственно обслуживать народное хозяйство, производство, промышленность. Образно говоря, с ее помощью можно было что-то «посчитать», использовать какие-то цифровые показатели, а это почти приближало ее к более престижным техническим наукам, ставило экономику почти вровень с ними.

И вполне понятно, что для российского менталитета, верхних слоев новой пореформенной власти было вполне органично выдвижение на первые роли людей прежде всего с «экономическими» приоритетами. Что же касается приоритетов «цивилизационных», то представления о них были весьма смутны, расплывчаты. Произошла замена доктрины государственной тоталитарно-централизованной экономики на доктрину экономики вроде бы капиталистического толка, но в упрощенном, плоскостном толковании самого понятия «экономика».

При таком подходе практически сводятся на нет цивилизационные, общекультурные параметры экономики, ее включенность в социальные процессы и зависимость от них. И уж бесспорно, что влияние социальных процессов на экономику не находится в центре общественного внимания. А отсюда и различного рода завлекательные игры в модели (польскую, американскую, аргентинскую и т. д.), отрывающие экономику от социально-исторического контекста, традиций, образа жизни и психологии народов тех стран, откуда эти модели берутся. В этом случае поиск манипуляций для решения сиюминутных (пусть и очень важных!) проблем, «затыкание дыр» становятся гораздо важнее анализа реальных процессов для разработки национальной стратегии.

А между тем вся мировая история свидетельствует, что прогресс цивилизации общества прямо зависит от того, на-

сколько интенсивно протекают процессы непосредственно в сгустках человеческой деятельности, там, где эта деятельность сконцентрирована, в городских центрах и, в первую очередь, в крупнейших из них. Без городской «привязки» анализ социальных процессов, экономики, культуры, политики лишается своего важнейшего компонента и не позволяет увидеть ни реальную картину, ни истинные причины происходящего.

Опыт последних лет показывает, что постоянно возникающие в обществе политические и финансовые напряжения воспринимаются и оцениваются различными политическими движениями, партиями, да и самими властными структурами и их окружением (среди которых и специалисты, и ученые) одинаково размыто, без попыток выявления и учета того, какую роль в этих напряжениях играет слабость городских процессов. И в этом отношении практически нет никакой разницы между реформаторами и оппозицией. А ведь городской срез, пусть в утопическом, иллюзорном виде, присутствовал даже в партийных и государственных программах недавнего прошлого. Без этого среза мы практически не можем даже подступить к понятию цивилизации.

На самом же деле в понятие «цивилизация» входит широкий набор признаков в отношении человека со своим окружением, с тем пространством, с той средой, в которой он живет, обитает. И зависимость профессиональной, творческой деятельности от характеристик этой среды, эффективности производства очень высока.

Мы в своих рассуждениях об экономике Запада, о тех причинах, которые лежат в основе успехов развитых стран в сфере производства, всегда умудряемся обходить стороной роль тех конкретных условий, той пространственной среды, в которой происходит деятельность людей. А эта среда имеет тысячелетнюю городскую историю. И те инвестиции, тот финансовый потенциал, которыми Запад с нами делится и от которых мы так сильно зависим, есть прямой результат развития этой городской среды, тех городских цивилизационных процессов, без которых интенсивное развитие экономики, движение по пути повышения культуры и качества труда, квалификации, внедрения наукоемких отраслей производства были бы просто невозможны.

Сама технология производства и ее результаты прямо и косвенно отражают и те условия, ту среду, в которых они протекают или были получены. Их нельзя оторвать друг от друга, они неразделимы. А когда все-таки их пытаются различить, то в результате происходят очень сильные деформации. И история «высадки» западных технологий в отечественную пространственную среду дает немало тому подтверждений.

И вот теперь, когда под большим вопросом в силу нашей внутренней нестабильности оказались и размеры западного содействия, снова есть «время и место» задуматься о городских корнях нашего кризиса, о необходимости оживления городской составляющей нашего развития. Речь, конечно, идет не об имиджмейкерской ретуши нашей внешности – этим уже давно никого не обмануть, а о нахождении путей полноценного глубинного внедрения в сознание и жизнь реально существующих механизмов современной цивилизации. Городская составляющая является важнейшим двигателем этого процесса, без нее мы просто не сможем сдвинуться с места ни в экономике, ни в демократии.

Отсталость, неразвитость городских структур, слабость центральных ядер регионов лишает их того самого взаимодействия, о необходимости которого сейчас идет столько разговоров. Дело в том, что интегративная природа урбанизации, проявляющаяся в образе жизни горожан, их психологии, в стремлении к взаимодействию, является необходимым элементом базы и движущим механизмом сотрудничества различных террито-

рий и районов страны.

Интегративная суть города помогает преодолевать естественно существующие национальные, этнические, социальные, территориальные различия, она способна перекрывать их. Именно благодаря глобализации городских процессов в современной Европе в огромной мере оказалось возможным интегрированное развитие имеющих разную историю и национальные особенности составляющих ее стран.

И наоборот, характерное для российского развития давление провинциального, «почвенного» начала, акцентирование местных особенностей эксплуатируются администрациями многих наших регионов как базовые для утверждения и поддержания суверенитетных амбиций. Создающаяся мозаичность страны препятствует объединительным тенденциям по цивилизационным параметрам.

Крупные городские центры все более растворяются в рыхлой среде губерний российской провинции. Будучи гораздо более продвинутым городом по сравнению с другими городами и районами страны в реформах, сосредоточивая огромный производственный, научный, социально-культурный и, что важно, политический потенциал, опираясь на естественную инвестиционную поддержку, Москва до сих пор не взяла на себя столь необходимую главенствующую, интегрирующую роль по отношению к другим крупнейшим центрам страны. А ведь эта роль вытекает не только из логики российской истории, но и из закономерностей процесса урбанизации, из действия механизма «центр – периферия», взаимодействия между этими полюсами.

В действии этого механизма заложено важнейшее условие появления и укрепления среднего класса с присущим ему определенным набором цивилизационных признаков, а не только уровнем дохода и марками автомобилей. Наследуя традиции и культуру средних городских слоев европейского Средневековья, современные городские слои очень тесно связаны с местной городской средой, местным социальным пространством, действующими в них законами и правилами поведения.

Именно в силу слабости действия у нас городских цивилизационных процессов, чрезмерного миграционного давления на сложившиеся большие города, при явной дистрофии последних, наплыва «недогорожан», маргинальных слоев с таким трудом идет формирование среднего класса и, наоборот, создаются условия для развития криминальных структур. Эти структуры теперь не только берут под контроль различные области городской жизни, но и действуют в электоральной сфере, что уже не раз потребовало вмешательства прокуратуры и судебных органов.

Само течение жизни в плотной городской среде естественным образом прививало в цивилизации Запада ощущение того, что стабильность, порядок зависят от взаимодействия людей, от умения находить взаимоприемлемые решения и уважать их. Отсюда и уважительное отношение к закону как таковому при всех правительствах и президентах. Но отсюда же и очень важное понимание того, что законы регулируют естественное течение жизни и соответствуют потребностям людей, учитывают их динамику. А потому законы опираются на закономерности развития общества и составляющих его частей и не могут противоречить этим закономерностям. Они могут учитывать и специфику отдельных частей и регионов, как это происходит в США, где наряду с федеральными существуют и законы отдельных штатов, учитывающие их историю, традиции и т. д.

В этом плане динамика городов, городских процессов, их культурные, моральные и социальные детерминанты, закономерности их развития традиционно входят в реальную базу законотворческой и нормативно-правовой деятельности, так или иначе, прямо или косвенно учитываются в издаваемых нормативных актах и законоположениях. Поэтому законы и

нормы, в том числе и социального поведения, рассчитаны на то, что они действуют не только внутри общества в целом, но и внутри отдельных слоев и групп, внутри каждого его члена, каждого человека.

Законодательная деятельность, не подкрепленная знанием закономерностей развития общества и отдельных его частей, регионов и городов, не опирающаяся на эти закономерности, не улавливающая их, лишается своей базы. Выпускаемые законодательные документы в этом случае не отражают реальных процессов, превращаясь в некие абстрактные тексты. Учитывая огромное различие специфики условий в регионах и городах, у нас особенно важно знание социально-территориальных особенностей их развития, взаимодействия и интеграции.

Есть и еще одна сторона развития общества, которая и исторически, и морально, и психологически связана с городом. К сожалению, именно эта сторона всегда была в развитии России наиболее трудно осваиваема даже во времена цивилизационных рывков и демократических просветлений. Более того, саму необходимость созревания и укрепления этой стороны в развитии общества, как показала история России, всегда было довольно трудно объяснить. Речь идет о нормах социального поведения, воспитания, об умении себя вести и всем том, что характеризует цивилизованного человека.

В связи с этим совсем не случайно, что такие понятия, как «культурность», «вежливость», «учтивость», «воспитанность», «образованность», «безупречная речь», «тонкость в обращении» на латыни обозначаются одним словом «урбанитас» («urbanitas»). Со словом «урбанизация» эти понятия одного корня. А ведь без них нельзя представить себе современного человека – при всем разнообразии его социальных, возрастных, профессиональных и культурных характеристик.

История и опыт последних перестроечных и постперестроечных лет весьма наглядно (и уже в который раз!!!) свидетельствуют о том, что практически отсутствует понимание прямой зависимости между степенью цивилизованности поведения и эффективностью трудовых процессов. Отсюда и непонимание того, что нехватка городского начала и избыток начала крепостного в российской истории, деревенская, а потом и поселковая окраска социального поведения людей тормозят наше движение по пути реформ.

Понятно, что эти черты и окраска нашей истории не являются виной ныне живущих поколений, и этого не приходится стыдиться. Ведь это не вина, а беда. Но вот преодолевать эту беду надо, как преодолевают те черты и этапы истории, от наследства которых хотят избавиться. А они были и есть в истории любой страны. И уж во всяком случае не надо превращать этот недостаток нашей истории в некий символ национальной специфики и тем более повод для бахвальства. Надо раз и навсегда понять, что только изживая этот недостаток и в обществе в целом, и в каждом его гражданине, в ходе реформ мы сможем рассчитывать на успех.

Мы снова, в который уже раз сталкиваемся с дефицитом городского сознания. Это застарелая болезнь, коренящаяся в глубинах российской истории. Она пережила и городское западничество Петра I, и реформы Александра II, и борьбу Ленина с патриархальной крестьянской общиной и народничеством, и переход от коммунального проживания к отдельным квартирам эпохи Хрущева, и свободу слова и передвижения во времена реформ. Эту болезнь не вылечили ни революции, ни научно-технический прогресс. Они существовали параллельно и вполне уживались друг с другом.

Мы должны понять, что взаимодействие с Западом, использование его помощи могут быть эффективны лишь в том случае, если мы будем наращивать и укреплять свою цивилизаци-

онную базу. Это должен понять и Запад. Сложность в том, чтобы расшифровать для себя, в чем должна заключаться эта самая база, из чего она должна состоять. Кроме законов, которые должны действовать, для укрепления стабильности в обществе и в отношениях с партнерами необходимо внедрить в сознание и в повседневную жизнь городское сознание и поведение.

Итак, кризис имеет городские корни. Противодействие развитию городского начала в нашей истории, отторжение самого духа города, лозунг борьбы с большими городами, которым долгие десятилетия пробавлялись наши партийные и государственные структуры, дали свои результаты. Города теперь с трудом справляются со своей ведущей цивилизационной ролью. Традиционное главенство в политике, экономике, науке, культуре становится для них все более условным, не-

подъемным.

Мне уже приходилось несколько лет назад, когда многим казалось, что мы вот-вот заговорим со всем цивилизованным миром на одном языке и будем приняты в этот мир на равных, предостерегать от излишней эйфории в этом плане. Специально отмечалось, что требуется очень длительный и сложный период накопления городского потенциала страны, что для нас будет «большой победой, если мы к 2000 году сможем действительно осознать свое реальное (а не мнимое!) место в современной городской цивилизации развитых стран» (см. статью автора «История болезни или болезнь истории?» // «Правила игры». № 3. 1994 г.). К сожалению, этот процесс осознания еще не начался.

Мотыга или компьютер?

к идеологической основе концепции развития Иркутского региона

В течение 1960-х годов специалисты – социологи, экономисты, футурологи – сформулировали новую концепцию развития производительных сил, получившую название «постиндустриальное общество». Широкую известность получила книга Элвина Тоффлера «Шок будущего»¹, в которой новая концепция изложена в публицистической форме футурологического прогноза. Тоффлер выделил несколько тенденций, определяющих облик глобального общества в ближайшем будущем: ускорение изменений образа жизни (конец постоянства), сокращение «времени жизни» предметов повседневного пользования (принцип одноразовости), новые принципы управления и мотивирования людей (адхократия)... При всей популярности изложения книга Тоффлера (как и последующие его труды) опирается на реальные экономико-управленческие тенденции современного общества.

Произведение знаменитого футуролога «Третья волна»², вышедшее в 1980 году (как и последующие книги), убедительно показывает глобальную тенденцию смещения центра тяжести экономических процессов с вещественного на информационный компонент производства.

Современные учебники по экономике³ приводят развернутую картину постиндустриального общества, в котором сырьевая база экономики все меньше зависит от невозобновляемых ресурсов. Новые технологические решения позволяют не только все более экономно использовать конечные и невозобновляемые природные ресурсы, но в ряде случаев вообще отказываться от их применения, находя им замену в быстро расширяющейся номенклатуре воспроизводимых синтетических материалов. Высокие цены на нефть и газ стимулируют мощную волну разработок в области альтернативных энергетических источников. Правительствами стран – участниц Организации экономического сотрудничества одобрена стратегия, согласно которой на протяжении будущих трех десятилетий их потребности в природных ресурсах из расчета на 100 USD произведенного национального дохода должны снизиться в 10 раз – до 31 килограмма по сравнению с 300 килограммами в 1996 году.⁴

Сегодня можно утверждать, что технологическая революция последних десятилетий практически полностью сняла с повестки дня проблему скорой исчерпаемости минеральных и энергетических запасов. В результате постиндустриальные страны «третьей волны» живут сегодня в новом мире – мире неограниченных ресурсов.⁵ Основой экономики сегодняшнего, а тем более – завтрашнего дня становятся информационные ресурсы: технологические ноу-хау, системы образова-

ния (особенно системы подготовки и переквалификации управляющих кадров), стимулирующая к творчеству культурная среда. Самая богатая страна мира – Япония – практически лишена природных ресурсов, и ее экономический успех зиждется только на передовой системе менеджмента человеческих ресурсов.

Когда мы обсуждаем перспективы развития Иркутского региона, весьма полезным было бы определиться, к какой из тоффлеровских цивилизационных волн мы бы хотели принадлежать. Первая, доиндустриальная, «цивилизация мотыги» базируется на эксплуатации природных богатств. Экономика первой волны полностью зависит от того, с какой интенсивностью разрабатываются и распродаются природные богатства – газ, нефть, золото, лес... С каждым днем цивилизационные принципы «первой волны» уходят все дальше в прошлое, теряют перспективность и перестают привлекать инвесторов.

Вторая волна – «цивилизация конвейера» – базируется на дешевой низкоквалифицированной рабочей силе. Сегодня экономика второй волны все больше локализуется в странах Юго-Восточной Азии. За счет конвейерного производства развиваются экономики Индии, Китая, Малайзии, Вьетнама, но руководство этих стран вкладывает большие средства в завтрашний переход на собственную научно-технологическую основу, на выход из состояния второй волны в состояние третьей – «цивилизации компьютеров».

Иркутский регион богат полезными ископаемыми, лесом, пресной водой и электроэнергией. Кажется очевидным, что концепции развития региона следует строить в основном именно на этих ресурсах. Однако, как это нередко случается, очевидное – не значит оптимальное. Связывать все надежды на экономический рост только лишь с ускоренным освоением новых месторождений, с интенсивной эксплуатацией природных богатств – недальновидно. Такой подход означает мышление в устаревших рамках, как если бы мы планировали экономический подъем области за счет экспорта сосновых дров и кедровых шишек.

Современные концепции развития региона обязательно должны опираться на всемерное развитие человеческих ресурсов, на инвестиции в образование, в культуру, в привлечение экспертов высокой квалификации и воспитание талантливой молодежи. Не газ, не золото и даже не дороги, а именно люди – образованные, творческие, инициативные – могут обеспечить динамичный рост региона в эпоху компьютерной цивилизации.

текст
Константин Лидин

1. Тоффлер. Э. Шок будущего: Пер. с англ. – М.: ООО Изда-тельство АСТ, 2002 г.

2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Издательство АСТ», 1999 г.

3. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. Допущено Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов экономических направлений и специальностей. – М.: Логос, 2000 г.

4. World Resources 1998-1999. N.Y.: Oxford, 1998. – P. 163.

5. Pilzer P. Z. Unlimited Wealth. The Theory and Practice of Economic Alchemy. N.Y.: Oxford, 1990. – P. 14.